

Естественно-природные истоки этноса великороссов

З.И.Жукова, В.М.Дуничев

(Южно-Сахалинский филиал Московского коммерческого университета,
Южно-Сахалинский госпединститут)

Начальным моментом этногенеза великороссов явился пассионарный толчок, происшедший в XIII в. в меридиональном направлении от Балтийского до Черного моря. Появившиеся в ареале толчка консорции пассионариев подняли к исторической жизни этносы литовцев, великороссов и турок-османов. Ареал толчка захватил также земли древних балтов и славян. Балты, находившиеся в гомеостазе, быстро консолидировались в новую этническую систему и расширили свой ареал за счет территории Киевской Руси.

Славяне на момент толчка находились в фазе обскурации – отрицательных значений этногенеза, поэтому инкубационный период из фазы подъема проходил трудно по причине мощного сопротивления окружающей среды. Носители нового пассионарного признака мигрировали к восточным окраинам государства и начали накапливаться в небольшом Московском княжестве, где развернули свою деятельность в монастырях.

Первыми пассионариями инкубационной фазы подъема у литовцев был князь Миндовг, у великороссов – князь Александр Невский, родившиеся в 1202 г.

Литва, находившаяся под постоянным военным и политическим давлением Западной Европы, частично была окатоличена, поэтому существовал постоянный приток к Москве пассионарных православных литовцев. Шедшая таким образом метисация двух равно пассионарных этносов в итоге и определила своеобразие населения в северо-западных районах России.

В 1347-1353 гг. на европейские страны и Русь обрушилась “Черная смерть” – эпидемия чумы, унесшая 24 млн. жизней. Потеря населения побудила пассионариев действовать более активно. Пассионарии и субпассионарии гибли в эпидемии равным образом, но те, кто остался в живых, быстрее оправлялись после потерь, создавали семьи и обеспечивали дрейф пассионарного генофонда внутри системы великороссов.

Как этническая система, общность великороссов складывалась на основании монолитного славянского суперэтноса, что обеспечило преемственность культуры, языка, письменности, вероисповедания. Но при росте пассионарного напряжения система начала усложняться и приобретать резистентность за счет включения в себя инородных элементов (тех же литовцев), а также и целых народов – персистентных этносов, попавших в поле ее развития за счет расширения ареала.

На северо-востоке Руси, в междуречье Оки и Волги, происходил этнический контакт великороссов с финскими племенами. Они заселяли леса и болота центральной и северной Руси еще в то время, когда здесь не было заметно присутствие славян. Иордан – историк VI в. – автор сочинения “О происхождении и истории готов”, знал некоторые из этих племен. В искаженных им названиях северных народов, которые входили в состав готского королевства Германариха (ум. в 375 г.), можно “прочитать” эстов, весь, мерю, мордву, может быть, черемисов.

К моменту появления великороссов финские племена были уже в контакте со славянами. Наличие химерной целостности – антисистемы негативного мироощущения, выразившейся в движении волхвов, говорит о том, что здесь происходило механическое смешение этнических систем, которое могло привести и вело к взаимоистреблению. Пассионарный толчок и движение великороссов в этот район превратили контакт по типу химеры в симбиоз, когда каждый этнос занимает свою экологическую нишу и не влияет на стереотип поведения другого этноса.

Встреча великороссов и финнов носила сравнительно мирный характер. Динамичные фазы этногенеза финнов давно закончились. Ни в письменных памятниках, ни в народных преданиях не уцелело воспоминаний об упорной борьбе пришельцев и аборигенов. Великороссы, встретившись с финскими племенами, кажется, сразу почувствовали, что тип поведения финнов им был чужд, потому они и назвали их чудью.

Двигавшиеся на восток и северо-восток великороссы искали среди лесов не добычу, а безопасных мест для хлебопашества и промыслов. Происходило заселение, колонизация края, а не завоевание с целью создания колоний. Финны для великороссов были “дикарями”, но людьми. Великороссы не создали человеко-ненавистнических теорий, не истребляли аборигенов подобно тому, как истребляли индейцев в Америке ангlosаксы или французы – тасманийцев. Симбиозный характер контакта отразился на топонимической особенности района: финские и русские названия сел и рек идут не сплошной полосой, а попеременно, чередуясь. Значит русские переселенцы не вторгались в экологическую нишу финнов, а просачивались в нее как бы тонкими струями, заселяя долины рек, оставляя лесные чащи и заболоченные места аборигенам.

Пассионарные великороссы не преминули начать и миссионерскую деятельность по

обращению язычников в христианство, чему финны упорно сопротивлялись. Часть языческого населения Ростовской земли выселилась в пределы Болгарского царства на Волгу к родственникам мери – черемисам.

Демографические процессы в пассионарной среде этносистемы великороссов привели к преобладанию русского населения, что вело к ассимиляции местных племен. Великороссы поглотили чудь, которая, таким образом, приняла участие в образовании антропологического типа северо-восточных субэтносов России. Сохраняя основные черты славян, местное население приобрело стороннюю примесь: скуластость, более смуглый цвет лица, нос, покоящийся на широком основании. Возник и “окающий” северорусский диалект.

Таким образом, ассимиляция чуди и заселение своеобразных ландшафтов привели к образованию и своеобразного стереотипа поведения на субэтническом уровне. Действуя принудительно и избирательно, ландшафт формирует психофизический склад человека, который наилучшим образом адаптирован к этому ландшафту.

Верхнее Поволжье характеризуется обилием лесов и болот, паутиной сетью речек и рек. Такой ландшафт наложил глубокий отпечаток на хозяйственный быт великоросса. Сельские поселения здесь явно доминировали над городскими. С трудом отыскивая среди лесов и болот сухие местечки, великороссы размещали на них два-три двора. Сжигая лес, крестьяне вносили в почву золу, повышая плодородие суглинистых почв. Но почвы через 6-7 лет истощались, и надо было двигаться дальше. Так крестьяне передвигались с места на место и все в одну сторону – на северо-восток, пока не достигли естественных границ Русской равнины – Урала и Белого моря. Здесь они освоили рыболовство и охоту на морского зверя, создав субэтнос поморов.

Ландшафты тайги с топяными болотами на каждом шагу угрожали поселенцу тысячами опасностей, с которыми поминутно надо было бороться. Это приучило великоросса зорко следить за природой, “смотреть в оба”, “не лезть в воду, не узнавши броду”, развивало привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями. Выживали те, кто сумел адаптироваться, а они уже передавали свои знания и умения детям как путем сигнальной наследственности – традиции, так и через посредство генофонда.

Природа северных регионов России отразилась и на складе мышления великороссов: трудности житья приучили их более обсуждать пройденный путь, нежели строить планы на будущее; больше оглядываться назад, быть осмотрительным, а не предусмотрительным; чаще замечать следствия, чем ставить цели. Великоросс-северянин воспитал в себе умение подводить итоги – то, что мы называем теперь “задним умом”.

Совершенно иной характер носил межэтнический контакт великороссов с татаро-монголами в XIV-XV вв. После трех лет военных действий великороссов и татаро-монголов Александру Невскому блестящими дипломатическими приемами удалось скрепить союз Московского княжества с Золотой Ордой, после чего несколько десятков лет этнический контакт двух суперэтносов носил характер симбиоза, что не исключало военных пограничных конфликтов. Русь пробыла под татарским владычеством 242 года (1238-1480). За это время закончилась инкубационная фаза подъема этноса великороссов и с победой на Куликовском поле – подвиге единения – начался ее открытый период.

Следует признать, что татары обладали многими положительными качествами, повлиявшими на формирование поведенческого стереотипа великороссов. Будучи пассионарными (взрыв этногенеза пришелся на XIIв.), они отличались непревзойденной честностью, верностью долгу и дисциплинированностью. В материальном отношении татарский гнет был тяжелым для Руси. Но он привел страну от губившего ее удельного раздробления к единству, вызванному необходимостью общими силами свергнуть это иго. В моральном и духовном отношении гнет татар для Руси тяжелым не был: на ее исторические традиции и бытовой уклад пришельцы-завоеватели не посягали и были абсолютно веротерпимыми. К православной церкви относились с безусловным уважением. Права и привилегии русской церкви постоянно расширялись.

От устья Оки до Дербента и Хорезма простиралась мусульманская страна, завоеванная монголами. Блестящая культура ислама обольщала многих монгольских ханов и батуров. Первым мусульманином на троне в Сарае стал внук Чингисхана Хулагу (1256-1265). Он разрешил учредить в Сарае православную епархию, но историан-монголов притеснял беспощадно. Последние толпы переходили на службу к московским государям. После реформ хана Узбека (1313-1342) степной улус вошел в мусульманский суперэтнос. Пассионарная часть монголов отказалась перейти в “веру арабов”, за чем последовала расправа над ними. И тот, кто хотел сохранить свободу совести, должен был бежать. До Китая добраться было практически невозможно (а там правила известная свое веротерпимостью династия Юань). Единственным местом, где татары, противники ислама, могли найти приют, стали русские княжества, с которыми татар связывали полвека совместной жизни, а многие и родились в смешанных браках. Так появились в России Аксаковы, Алябьев, Ахматова, Бунин, Годунов, Карамазов, Рахманинов, Шереметьев, Юсупов и многие-многие другие. Русско-татарская метисация была заметным явлением истории.

Много рядовых воинов переселилось на юго-восточные рубежи русских земель и было

